

ниалъ, какъ сердце у него бьется и въ вискахъ стучить, всталъ и открылъ окно.

Подуло свѣжимъ воздухомъ и онъ съ наслажденіемъ втягивалъ его въ себя. Густой мракъ безмолвствовалъ. Но вдругъ онъ увидѣлъ впереди въ потемкахъ сада яркую точку, точно раскаленный уголекъ, и подумалъ:

— Эге! да это сигара! Это должно быть Саваль.

И тихо позвалъ:

— Леонъ!

Голосъ отвѣчалъ:

— Это ты, Жанъ?

— Да. Подожди меня. Я сейчасъ приду.

Онъ одѣлся, вышелъ и настигъ пріятеля, который курилъ, сидя верхомъ на деревянномъ стулѣ.

— Что ты здѣсь дѣлаешь?

Саваль отвѣчалъ:

— Отдыхаю.

И захохоталъ.

Сервини пожалъ ему руку:

— Поздравляю, mon cher. А я... бѣшусь.

— Это значить, что...

— Это значить, что... Иветта и ея мамаша не похожи другъ на друга.

— Что же было? — Расскажи мнѣ.

Сервини рассказалъ о своей попыткѣ и ея неудачѣ, и продолжалъ:

— Рѣшительно, эта дѣвочка меня сбиваетъ съ толку. Представь себѣ, что я не могъ уснуть. Какая это чудная штука, молоденькая дѣвчоночка! На видъ проста, какъ Богъ знаетъ что, а никакъ ее не разберешь. Женщину, которая жила, любила, знаетъ жизнь, тотчасъ же раскусишь. Но когда имѣешь дѣло съ дѣвушкой, то ничего не постигаешь. Въ сущности я боюсь, что она водить меня за носъ.

Саваль раскачивался на стулѣ, и медленно проговорилъ:

— Берегись, mon cher, она хочетъ женить тебя на себѣ. Припомни знаменитые примѣры. Такимъ точно способомъ мадемуазель де-Монтихо попала въ императрицы. Не разыграй Наполеона.

Сервини пробормоталъ:

— Что до этого касается, то не бойся. Я не глупецъ и не Наполеонъ. А надо быть тѣмъ или другимъ, чтобы позволить себѣ такую женитьбу. Но скажи-ка мнѣ, тебѣ хочется спать?